

КУЛЬТУРА — ЭТО НАСИЛИЕ

Независимая
Газета. — 2000.
— 4 февр. — с. 7

Сергей Шаповал

ПАВЕЛ, что вы ощутили, узнав, что вам присудили премию, ведь это ваше второе выдвижение на Антибукера?

— Да, в позапрошлом году совершенно неожиданно для меня в финальный список попала моя повесть «Московский пленник». Могу сказать, что полтора года назад я ожидал результата с большим трепетом, нежели в этот раз. Лукавят люди, говорящие, что им все равно, получают ли премию или нет. В принци-

ки просят разрешение на экранизацию и прочее. Для критика же получение премии — нечаянная радость.

— Вопрос из разряда вечных: зачем нужна критика, каково ее место в литературном процессе? Диапазон ответов очень широк: от «место критики в лакейской» до «критик, по меньшей мере, конгениален писателю», каков ваш?

— Мне уже доводилось писать, что неплохо было бы оказаться в лакейской, если бы был барин... Жуковский, например, считал критику, после поэзии и прозы, третьим самостоятельным жанром. У нас существует путаница в

числе от критики XIX века, шедшей сугубо за произведением писателя, критика современная обладает большей свободой и может претендовать на конгениальность литературе. Я думаю, блестящей критической статьей можно считать ту, которая будет интересна человеку, не читавшему рассматриваемое произведение, потому что критик в этой статье скажет не только собственно о произведении, но и еще о чем-то важном.

— Споры о том, жива ли литература или уже умерла, продолжают до сих пор, что вы скажете на этот счет?

Я писал о том, что, кроме культуры разрешения, должна существовать культура запрета, если угодно, должна существовать определенная цензура. Запрет Сорокина не будет вредить литературе, он не будет вредить даже самому Сорокину. Если он не может писать по другому, он и будет так писать, читать его будет определенный слой людей, но его не будут продавать на вокзалах. Я вышел из себя, когда увидел книжку Сорокина на привокзальном лотке! Сначала появляется писатель, который рассказывает: мне не нужен читатель, я пишу о своих психосоматических проблемах, мне и книг моих не нужно. Потом издают его книжечку, потом появляется издательство «Ad Marginem», которое совершенно откровенно культивирует и рекламирует этого писателя, потом его книги появляются на привокзальном лотке! А купленное на вокзале люди прочитают обязательно, потому что впереди длинная дорога. В данном случае я рассматриваю Сорокина не с точки зрения нормальной социальной нравственности. Давайте, наконец, выработаем четкие юридические принципы, которые регулировали бы распространение подобной продукции. Литература очень влияет на человека, она ведь тоже своего рода пища, только духовная, и она, безусловно, меняет состав человека. Между прочим, одна из опасностей занятия критикой заключается в том, что приходится читать неапробированные вещи, в том числе и художественную гадость, а прочитать художественную гадость вовсе не бесполезно. Для меня литература — не просто буквы, я сопереживаю писателю.

— Ну а как практически должны осуществляться запреты?

— Не мое дело этим заниматься. Если представить себе фантастическую ситуацию: создают комиссию по цензуре и меня туда приглашают, я ни за что туда не пойду. Пусть туда идет домохозяйка, мамаша какая-нибудь... Я знаю одно: нужно вырабатывать культуру запрета. Должна существовать нравственная цензура, как существует, например, военная.

— У Ницше есть афоризм: «Моральных феноменов нет, есть моральное истолкование феноменов». Истолкование части населения может не совпасть с истолкованием цензурного комитета. Что делать? Опять насилие?

— А что такое культура? Например, вы покупаете шесть соток земли и собираетесь их обустроить. Что вы делаете? Вы совершаете насилие над землей. Земля хочет, чтобы на ней росла трава, ромашки, сорняки, а вы начинаете безжалостно их выпалывать. Дерево хочет быть высоким и беспорядочным, вы начинаете его обрезать. Только в результате постоянного насилия вы создадите культурный участ-

ток. У нас после советской власти сложилась идеосинкретизация на запреты. Сегодня в среде художественной интеллигенции победила идея: никаких запретов, никакого насилия, полнейшая свобода! Против этого и направлена моя статья. Я хочу подчеркнуть важную с моей точки зрения мысль: общество художнику ничем не обязано, и в ходячих выражениях типа «общество заправило гения» содержится большая неправда.

— Хочу вернуться к проблеме соотношения личности автора и его произведения на примере любимого вами Горького. Как известно, Горький развивал традиции гуманизма, в то же время он мог поехать на Беломорканал и «не заметить» зеков...

— Не все замечательно в произведениях Горького, не все так ужасно в его личности. Говорят: как человек, написавший «Клима Самгина», мог оправдывать лагерь? Объясню. «Клима Самгин» написан абсолютно во всем разуверившимся человеком: в мире, в жизни, в Боге, в крестьянстве, в рабочем классе, в интеллигенции и в себе самом. Именно такой человек мог «не заметить» зеков: хрен с ним, с таким народом, который сделал такую поганую революцию, там ему и сидеть, а Сталин, может быть, из него хоть что-то сделает! Вот его логика — логика изверившегося человека.

— Интересно, что игрушки Сорокина, кровь и насилие, существующие только на страницах книг, вызывают у вас нравственное неприятие и гнев, а спокойное сосуществование Горького с людоедом, пролившим моря настоящей крови, находит ваше понимание.

— К Горькому у меня есть претензии, к Сорокину — никаких. Я понимаю, что Сорокин отделяет себя от своих произведений, считает, что литература — это всего лишь буквы. Мне его позиция безразлична. Что касается Горького, то он за все, что написал и провозгласил, отвечал и отвечает. Отвечал при жизни, последние его годы — не самые легкие, при всем внимании к нему, при всех поездках, дачах и прочих благах. Постоянно чувствовать над собой дамоклов меч, чувствовать, что ты делаешь не то, что надо, для человека его масштаба и самолюбия было очень страшно. Отвечает он и посмертно, для большого писателя это очень важно. Так что ответственность его вполне значительна... Возьмем Бунина. Ни в чем не замарался, сидел и писал «Темные аллеи» и «Жизнь Арсеньева», получил Нобелевскую премию, часть ее раздал, в общем, сохранил себя. Горький себя не сохранил, поехал в СССР. Но как только что-нибудь случилось (кого-то собирались посадить, кому-то не давали квартиру), бежали к Горькому. К Бунину не обратись, он во Франции занимается собой и своим творчеством. Горький — историческая фигура, он участвовал во всем, а это предполагает щедрость души...

Павел Басинский — лауреат Антибукера.
Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

пе у меня отношение к премиям достаточно сложное, я не уверен, нужны ли они в существующем у нас виде. У нас победил спортивно-соревновательный тип премии, мне кажется, это не совсем наше. До революции существовали поощрительные премии, это был способ вспомоществования. Сейчас премии фактически подменили собой литературный процесс: произведение, получившее премию, становится заметным, его не читают, но о нем говорят, его автор на какое-то время вызывает повышенный интерес. Я не уверен, что это хорошо, литература — все-таки дело сердечное. С другой стороны, премии подогревают интерес к литературному процессу. Если обратиться к Букеру, то мы увидим, что появление премии за роман явно стимулировало написание большого количества произведений этого жанра. Ну что ж, если заказ делается лишь в виде жанра, это не так плохо... Критик лишен возможности добиться большой популярности. Писатель может рассчитывать на миллионные тиражи, киношни-

понятиях. Есть нормальное рутинное рецензирование произведений, оно существовало и будет существовать. Другое дело — критика, сложившаяся в России со времен Белинского: критик как выразитель духа времени. Честно говоря, я не знаю, где место критики, потому что она может быть очень разной. Что касается конгениальности писателю — если критик способен на такую конгениальность, очень хорошо. У писателей сложилось определенное отношение к критике, я уже к нему привык, хотя периодически оно все же раздражает. Это отношение как к некоей службе и как к некоей литературной политике. Писатель запросто может обратиться с вопросом: а ты почему обо мне не написал? Да не захотелось! Повторю, одно дело — рутинное рецензирование, и другое дело — критика как самостоятельный литературный жанр. В этом случае, как ни жестоко это звучит, критик имеет право использовать писателя даже в качестве литературного персонажа. Критика, конечно, — более точный жанр, тем не менее, в отли-

— Разговоры об этом естественны, куда более естественны, чем возгласы о том, что у нас было замечательное литературное десятилетие, что мы живем в прекрасную литературную эпоху и прочее. Возьмите практически любого критика XIX века, дежурный зачин: у нас нет литературы, мы живем в эпоху литературной бедности. Это нормальное проявление желания большего, нормальное признание факта, что литература не прогрессирует. Вот и все. Самомнение гораздо опаснее, чем излишний критицизм. Потомки все расставят по местам. Если говорить о современном состоянии литературы, то ее главная беда в том, что от нее практически отрезан читатель. Литература замкнулась на саму себя. Исчез живой интерес к литературе, не стало взаимопонимания между жизнью и литературой. Русская литература всегда врзалась в жизнь.

— Вы призвали запретить произведения Сорокина, а его самого отдать под суд...

— Разумеется, я не за то, чтобы посадить Сорокина, да пусть жи-